

³ Рашин А.Г. Население России за 100 лет. М., 1959. С. 196.

⁴ Там же. С. 59.

⁵ Лебедев Ф.Н. Детская смертность на Урале в 1926–27 годах // Уральский медицинский журнал. 1930. № 1. С. 61.

⁶ Рассчитано по: ГАСО. Ф. Р-1812. Оп. 2. Д. 18. Л. 12, 65; Д. 27. Л. 22; Д. 30. Л. 1–2; Д. 33. Л. 30–30 об.; Д. 170. Л. 2–5; Д. 171. Л. 1.

⁷ Урланис Б.Ц. Динамика уровня рождаемости в СССР за годы советской власти // Брачность, рождаемость, смертность в России и СССР / Под ред. А.Г. Вишневского. М., 1977. С. 16.

⁸ Кваша Е.А. Младенческая смертность в России в XX веке // Социологические исследования. 2003. № 6. С. 48.

⁹ Там же. С. 61–69.

¹⁰ Гаврилов К.П. Детская смертность на Урале // Уральский медицинский журнал. 1930. № 4. С. 57–67; № 5–6. С. 126–133.

¹¹ Соколов Д.К., Алексеева Р.С., Еремин Г.Ф., Старицын А.С. Становление охраны здоровья народа на Южном Урале. Челябинск, 1970. С. 59.

¹² ГАСО. Ф. Р-159. Оп. 1. Д. 4. Л. 73.

¹³ Златоустовский архив организаций (ЗАО). Ф. Р-17. Оп. 1. Д. 27. Л. 1; Д. 108. Л. 206–206 об.

¹⁴ Тарасов П. На страже здоровья трудящихся // Челябинская область за 40 лет Советской власти. Челябинск, 1957. С. 538.

¹⁵ Отчет о деятельности Уральского областного исполнительного комитета С.Р.К.К. и К.Д. VI сессия, апрель 1927 — апрель 1929. Свердловск, 1929. С. 198.

¹⁶ Соколов Д.К., Алексеева Р.С., Еремин Г.Ф., Старицын А.С. Указ. соч. С. 63.

¹⁷ Моделевич М.С. Охрана здоровья трудящихся округа // Златоустовский округ 1917–1927 гг.: Десять лет работы Советов РКК и КД Златоустовского округа. Златоуст, 1927. С. 94.

¹⁸ ГАСО. Ф. Р-159. Оп. 1. Д. 4. Л. 74.

¹⁹ Обзор хозяйства Урала за 1924–1925 год. С. 201.

²⁰ Рассчитано по: ГАСО. Ф. Р-1813. Оп. 1. Д. 98. Л. 2–2 об., 4–4 об.; Д. 99. Л. 4–4 об., 5–5 об.; Д. 101. Л. 1, 3, 4, 6; Объединенный государственный архив Челябинской области (ОГАЧО). Ф. Р-485. Оп. 5. Д. 144. Л. 111, 114; Оп. 4. Д. 1118. Л. 268 об., 270 об., 271 об., 272 об., 274 об., 275 об.; Оп. 5. Д. 288. Л. 7, 22, 42; Оп. 6. Д. 789. Л. 130, 132; Оп. 7. Д. 487. Л. 77, 79.

²¹ ОГАЧО. Ф. Р-1595. Оп. 1. Д. 26. Л. 97; ЗАО. Ф. Р-35. Оп. 11. Д. 17. Л. 331 об. — 332.

²² Центр документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО). Ф. 4. Оп. 14. Д. 502. Л. 14; ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 1. Д. 4329. Л. 230.

²³ ОГАЧО. Ф. Р-274. Оп. 3. Д. 51. Л. 124; ГАСО. Ф. Р-627. Оп. 1. Д. 11. Л. 12.

*О.А. Задорожная
(Сургут)*

К ВОПРОСУ О СОЦИАЛЬНОМ СТАТУСЕ ПРИКАЗЧИКОВ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX — НАЧАЛЕ XX вв.

Наиболее распространенным представителем наемных служащих в коммерческих организациях Западной Сибири второй половины XIX — начала XX в. являлся приказчик. Эта категория работников была представлена как в корпоративных структурах, так и у частных собственников. Особенностью «профессии» приказчика было то, что, с одной стороны, на нем лежали определенные обязанности и обязательства перед работодателем, с другой — он абсолютно не был защищен ни перед работодателем, ни перед государством. Эта группа служащих в российском законодательстве появилась в начале XVIII в. как «лица, жившие у торговых людей по найму на урочные лета»¹. Юридический статус приказчика менялся на протяжении XVIII–XIX вв. В исследуемый период источники выделяют несколько групп служащих, которых называют приказчиками, — от сидельца в лавке до управляющего делами собственника². Но документы ставили положение и название должности этих работников в зависимости от размеров коммерческого предприятия и даже характера владельца. Эту

проблему неоднократно обсуждали, например, в «Обществе распространения коммерческого образования» и в периодической печати. Было признано, что приказчик — «...раб зависимости, во всех своих действиях, ограничиваемый волею хозяина, которому предоставляется право применять к неисправному приказчику даже меры домашней строгости»³.

Профессионализация будущего приказчика, как правило, начиналась в малолетстве с должности мальчика, исполнявшего поручения хозяина или управляющего: нередко это была доставка товара покупателям. Как правило, посредники нанимали крестьянских детей для обучения, выплачивая семье незначительную сумму. Обещания «вывести ребенка в люди» и пристроить к торговому промыслу выполнялись редко и только благодаря исключительной настойчивости и твердости обучаемого. Нередко на должность приказчиков нанимались земляки разбогатевших крестьян, считавших, что они делают добро. Увозя мальчика из обычной среды, они были уверены, что тот будет терпеть все. Нередко поймав ученика на каком-либо нарушении, его выгоняли, требуя компенсации у родственников. Специально обучением мальчика никто не занимался, но фактически этим занимались все: от хозяина до последнего работника. Вместе с тем, мальчики тоже делились на группы, например, выделялись лавочные, рыночные и т.д. Отметим, что дослужившись до приказчика, бывший ученик также жестко поступал с наемными малолетками. Находившиеся на обучении делились в Сибири на несколько групп: спутаны, мальчики, подручники и т.д.

Особую группу составлял слой потомственных приказчиков, которые были воспитаны в патриархальных традициях. Они, как правило, одевались в приличные сюртуки, имели 9-часовой рабочий день и т.д. Как отмечали современники, владельцы опасались своих более компетентных работников, принуждая их отдавать детей в лавки в качестве подручных мальчиков «в науку», подписывать длительных контракт, то есть ставя их в полную зависимость. Наиболее опытные приказчики назывались старшими или доверенными; в их обязанности входило наблюдение за трудовым коллективом, охрана имущества хозяина, организация торгового процесса и т.д. В обществе их называли «ругачками», так как их прямым делом считалось следить за обслуживающим персоналом. Они получали жалованье не менее тысячи рублей в год, а также имели разные способы наживы, например, увеличивали надбавку на товар вместо 5 % — 15 % или указывали в документах «приторжки», скажем, до 3 тыс. руб., вместо 10 тыс. и т.д. В прессе указывалось, что большинство доверенных в Сибири — это люди с капиталом, которые затем вступали в гильдию или получали свидетельство на предпринимательскую деятельность.

Внутренняя градация приказчиков существовала только в крупных коммерческих предприятиях, например, управляющий, доверенный, старший приказчик, конторщик, бухгалтер, приказчик I класса, рядовой приказчик, кассир и т.д. В лавках, как правило, мальчик через несколько лет мог стать лавочным приказчиком и на этом его карьера завершалась. Бывали исключения, когда приказчик дослуживался до доверенного, а затем становился совладельцем или владельцем магазина. Идеальным для крупного предприятия считался интеллигентный приказчик из потомственных служащих или разорившихся купцов. Приказчик любой категории, как правило, служил до старости и вынужден был выполнять все требования хозяина, скрывал свои проступки, покровительствовал детям хозяина и т.д. Нередко о злоупотреблении

ях служащих хозяин знал, но считал, что лучше свой проверенный, чем новый наемный работник. При этом приказчик по собственной инициативе или с помощью хозяина стремился обманывать покупателей и клиентов. Наиболее влиятельные служащие получали дополнительные привилегии: бесплатная еда, отдельное жилье, определенный процент с продаж, дополнительный выходной и т.д.

В период промышленного переворота стала ощущаться потребность в квалифицированных служащих, поэтому в обществе обсуждалась необходимость создания системы обучения и повышения профессионализма этой категории работников. Пресса отмечала, «русские приказчики, достигнув практического опыта целым рядом тяжелых трудов...», отличались от европейских, прошедших специальную подготовку. Интересно, что эта проблема волновала как предпринимателей, так и самих приказчиков. Последние стали инициаторами создания различных обществ: оказания материальной взаимопомощи, юридической защиты, повышения образовательного уровня, приобретения различных знаний и т.д. Только некоторые организации серьезно подходили к проблеме квалификации. Верховная власть разрешила готовить приказчиков при уже существующих коммерческих школах и училищах. Однако, по данным современников, в большинстве подобных учебных заведениях детей приказчиков и вообще зажиточных горожан было мало. Как правило, училища содержались на деньги городских дум, купеческих обществ, поэтому в них бралась плата за обучение.

В целом различные общественные организации, создаваемые служащими торгово-промышленных компаний, из-за отсутствия достаточного финансирования не достигали своей цели. Так, Нижегородское общество приказчиков, состоявшее из 537 членов, имело общий капитал 82575 руб., харьковское (479 чел.) — 43508 руб.; ежегодный доход козловского общества (70 чел.) составлял около 2 тыс. руб., бийского (168 чел.) — 1533 руб.⁴ При этом общества не ставили своей целью обогащение или образование, а взаимопомощь, потому что они состояли из выходцев из крестьян и мещан. Очевидно, что от отношения к данной проблеме правительства зависело очень многое: в Германии с 1897 г. сами работодатели отвечали за обучение малолетних работников и финансировали общества приказчиков, вечерние школы и курсы, публичные лекции и т.д.

В одной из своих лекций Я.Ф. Пропп указывал, что даже в случае организации торговых школ в России многие приказчики не смогли бы учиться, так как они не имели даже начального образования. Кроме того, совместить теоретический курс обучения и практическую деятельность большинство приказчиков не имели возможности. Существовали и другие проблемы: кандидат на должность приказчика первоначально проходил испытательный срок с минимальной оплатой. Занятия на курсы проходили с 18 до 21 часов вечера, то есть совпадали с рабочим днем служащих. В среднем трудовой день длился от 16 до 19 часов, после которого очень сложно учиться. Но, главной проблемой при решении образовательного вопроса было отсутствие четкого законодательного регулирования отношений между нанимателем и работником: в Торговом уставе рекомендовалось «обходиться со служащими справедливо» — и не более того⁵. Однако отношения служащих и нанимателей были довольно сложными и порой имели множество открытых и скрытых конфликтов, связанных с отсутствием сложившегося рынка труда в Российской империи⁶.

Положение служащих предпринимательских компаний на окраинах государства мало чем отличалось от центральных районов, что отмечалось в местной прессе: «Приказчики, после капитала, можно сказать главный двигатель торговли, без участия которых невозможна их жизнь и развитие»⁷. Это понимали многие предприниматели, но признавать никто не хотел. Отношение к самому приказчику отличалось у представителей потомственного купечества и предпринимателей конца XIX в. Так, основатели крупных региональных корпоративных компаний стремились нанять лучших и опытных приказчиков, которым передавали право полного распоряжения своим капиталом. Потомственные купцы разрешали приказчикам торговать своим товаром вместе с хозяйским, чтобы удержать хорошего работника.

Соответственно приказчик указанного периода — это не просто наемный рабочий, а активный участник процесса получения прибыли. Из-за появившейся конкуренции труд квалифицированного специалиста высоко оплачивался. Одной из особенностей сибирского приказчика был некий универсальный характер деятельности: продавал все что попало, изучал все, знал все, занимался всем⁸. Новой проблемой уральского работодателя становилось пенсионное пособие после достижения приказчиком почтенного возраста⁹.

Известно, что приказчики пытались не только договориться с властями, предпринимателем, но и «протестовать» против притеснений доступными средствами, обманывая хозяев, распространяя правдивые данные о торговых операциях, и т.д. Некоторой формой защиты приказчиками своих прав можно считать создание торговыми служащими различных обществ, кредитных касс и т.д. В 1906 г. в Кургане состоялся съезд Союза служащих торгово-промышленных предприятий, на котором присутствовали предприниматели, в основном, выходцы из приказчиков. Но капиталисты в целом отрицательно относились к подобным мероприятиям. Например, глава торгового дома Колесниковых уволил за участие в этом съезде 4 приказчиков, такая же участь ждала любого служащего тюменских промышленников Россосных, Вяткина, Аваркина¹⁰.

В период революционных событий начала XX в. обе стороны — приказчики и предприниматели — пытались конструктивно обсудить противоречия и найти приемлемое решение, выполнение которого не всегда следовало. Поэтому в мае 1906 г. в Тюмени служащие бросили работу с требованием сокращения рабочего дня. Владельцы торговых и промышленных заведений терпели значительные убытки, а рабочие лишались средств существования. Один из авторов газеты «Сибирский приказчик» описал поведение работодателей. Омский купец С. Волков в первый день забастовки предложил приказчикам сверх оплаты по 50 руб., а затем написал жалобу полицмейстеру. «Демократом» назвали омского промышленника Ковалева, который ввел 8-часовой рабочий день и выходной в воскресенье, для чего, правда, потребовалось несколько дней простоя его паровой мельницы¹¹. Тюменский городской голова А.И. Текутьев не мог сдерживать своих эмоций, негодуя, что приказчики забастовали в его отсутствие¹².

Таким образом, очевидно, что распространенное в обществе представление о приказчике как человеке благополучном на самом деле не соответствовало действительности, и приказчики, как и другие наемные работники, сталкивались с целым комплексом социальных проблем.

Примечания

¹ Ефименко П. Узаконония о договоре найма приказчиков // Юридический вестн. 1880. № 6. С. 280–308.

² Полн. собр. законов Российской империи. Т. 38. № 39118.

³ Биржевые ведомости. Изд. П. 1900. № 315.

⁴ ЦХАФ АК Ф. 170. Оп. 1. Д. 471. Л. 39–39 об.

⁵ ПСЗРИТ. XXII. С. 490–493.

⁶ Иуда Мьгарь. Как обеспечить старость приказчиков? Томск, 1906. С. 34–35.

⁷ Енисей. 1902. № 116.

⁸ Иуда Мьгарь. Что такое приказчик? Томск, 1906. С. 32.

⁹ Иуда Мьгарь. Как обеспечить старость приказчиков? С. 33–35.

¹⁰ Сибирский приказчик. 1906. 2 окт. С. 7.

¹¹ Сибирский приказчик. 1906. 10, 17 сент.

¹² Сибирский приказчик. 1906. 31 авг., 2 окт. С. 14–15.

*С.Н. Захарцев
(Тамбов)*

ГОРОДСКОЕ ХУЛИГАНСТВО КАК ВИД СОЦИАЛЬНОЙ АНОМАЛИИ НЭПОВСКОГО ОБЩЕСТВА (НА ПРИМЕРЕ ТАМБОВСКОЙ ГУБЕРНИИ)

Хулиганство как самостоятельный вид преступления было выделено в начале XX в. Кажущаяся «новизна» этого явления была связана с привлечением внимания публики к очевидным издержкам процесса модернизации российского общества — жизни его ломпенизированных слоев (чернорабочие, безработные), которые таким образом заявляли о своем месте под солнцем, наводя страх на почтенных граждан.

Причинами совершения хулиганских поступков были как экономическая и социальная неустойчивость, отсутствие какого бы то ни было образования и алкоголизм (по материалам Государственного управления мест заключения, более 90 % всех хулиганских поступков совершены под действием алкоголя), так и «озорство», корни которого уходили в обычаи отцов: кулачные бои, «воспитание» жены, манера мазать дегтем ворота девушки с сомнительной репутацией¹.

Общие свойства хулиганских деяний не внушены стремлением к какой-либо личной выгоде, а характеризуются проявлением злобы. Особенно громко это явление заставило говорить о себе после антиправительственных выступлений в 1905 г., когда недовольство существующим положением вещей, революционная энергия находили свое выражение в погромах. Феномен русского бунтарства, которое в советской историографии революции 1905–1907 гг., воспевшей классовые бои пролетариата и революционного крестьянства, всячески ретушировалось, как раз характеризуется проявлением деструктивного начала хулиганских деяний, основанных на злобе.

Хулиганство как явление, представляет собой умышленное действие, грубо нарушающее общественный порядок и выражающее явное неуважение к обществу. Хулиган нарушает общественный порядок, а в случае, когда его действия связаны с посягательством на здоровье, достоинство и интересы граждан, нарушает и общественную безопасность.

Хулиганство нередко сопровождается причинением вреда здоровью граждан, либо оскорблением граждан. Но от преступлений против здоровья и достоинства граждан хулиганство отличается тем, что причинение вреда выступает здесь лишь